

УДК 101.1:316

А.Л. Кравченко

К вопросу о «технофеодализме»

Аннотация:

Осуществлена проблематизация термина «технофеодализм» в современной социальной теории, обусловленной выходом одноименной работы экономиста и политического деятеля Я. Варуфакиса. Раскрыта сущность и значимость термина, показан его дискуссионный характер. Автор демонстрирует предшествующие Я. Варуфакису попытки приписывания цифровой эпохе феодальных характеристик, замечая, что в рамках единой мир-системы капитализма элементы феодальных отношений всегда присутствовали на разных этапах ее развития. В заключении сделан вывод о том, что говорить о реставрации феодализма в начале XXI в. некорректно – современный социум продолжает развиваться в соответствии с логикой позднего капитализма.

Ключевые слова: социальная теория, технофеодализм, цифровые платформы, труд, посткапитализм, постиндустриальное общество, поздний капитализм, мир-система капитализма.

Об авторе: Кравченко Алексей Леонидович, Государственный университет «Дубна», ассистент кафедры социологии и гуманитарных наук; эл. почта: alkravch1@yandex.ru

В работе «Seeds of Time» (1996) социальный теоретик Ф. Джеймисон отмечает, что «легче представить тотальное разрушение земли и природы, чем вообразить падение позднего капитализма» [21, с. 12]. Первые десятилетия XXI в. обозначились попытками в социальной теории выработать новые языки описания современности, которые смогли бы уловить тенденции и перспективы такого падения. Так, связь между цифровыми технологиями и неолиберализмом раскрывают концепции коммуникативного капитализма (Дж. Дин), семиокапитализма (Ф. Берарди), капитализма платформ (Н. Срничек), надзорного капитализма (Ш. Зубофф) и т.д. [19; 18; 13; 7]. Вместе с тем подобные языки

«позднего капитализма» преимущественно, хотя и не все, служат для обозначения феноменов цифровой повседневности, но не раскрывают их природы и сущности.

В 2023 г. в свет вышла работа с провокационным названием «Технофеодализм: что убило капитализм» Я. Варуфакиса – греческого экономиста и политического деятеля. В русском переводе работа появляется лишь в начале 2025 г., но за короткое время получает широкую популярность в отечественном академическом сообществе. Капитализм не исчезает, но пребывает в перманентном изменении, адаптируясь к новым условиям. Промышленное производство сохраняет свою значимость, однако вместе с ним возникает «эксплуатация данных, внимания и поведения пользователей». Об этом говорит и сам Я. Варуфакис: «метаморфозы для капитализма – то же, что камуфляж для хамелеона: и сущность, и защитный механизм», однако сегодня речь идет не о простой маскировке, но о чем-то, что заменило собой капитализм, поскольку развитие информационных технологий и интернета постепенно разрушили его «эволюционную приспособленность» [3, с. 38].

На смену промышленным буржуа в котелках и тройках приходят «облачные технофеодалы», такие как И. Маск и Дж. Безос, которые, подобно средневековым феодалам, существуют не за счет материального производства, но благодаря облачной ренте и более скрытым механизмам эксплуатации, обусловленным цифровыми платформами – Amazon и Ozon, Google¹ и Яндекс, Wildberries и Alibaba, Uber и т.д. Пользователи платформ оказываются в роли новых цифровых крепостных, предоставляя свои данные, генерируя и потребляя контент, выплачивая ренту за доступ к сервисам, воспроизводя облачный капитал. В этом смысле концепцию Я. Варуфакиса можно обозначить одной из антиутопичных версий посткапитализма, поскольку «капитализм умер», однако «убили» его не пролетарии, а «облачные капиталисты» [3, с. 90-95]. Последствия экономического кризиса 2008 г. привели к тому, что значительные инвестиции начали вкладываться в облачные сервисы, а к 2020 г. облачная рента начала составлять большую часть совокупного дохода развитого мира – рента взяла верх над прибылью [3, с. 115-117]. Все это в конечном итоге привело к замедлению технологического и социального прогресса, роста инвестиций, а, следовательно, еще большему триумфу и закреплению технофеодализма. Впрочем, тенденции регресса капитализма уходят корнями еще в конец 1960-х – начало 1970-х гг.

---

¹ РКН: иностранный владелец ресурса нарушает закон РФ

Технофеодалы, по мысли Я. Варуфакиса, формируют новую классовую совокупность: они не зависят от традиционных рыночных правил, в определенном смысле их даже не интересует прибыль, вместе с тем они имеют существенное влияние на политическую систему развитых стран – достаточно вспомнить фигуру И. Маска в администрации США при президентстве Д. Трампа в 2025 г. Технофеодалу не нужна земля или войско – миллионы пользователей цифровых платформ сами попадают в зависимость от принадлежащих ему сервисов. Новые феодалы имеют неограниченную власть в пределах своего «цифрового надела» (вспомним резонансную блокировку аккаунта Д. Трампа в известной социальной сети в 2021 г.), взимают облачную ренту, посылают своих «сборщиков податей», распоряжаются данными пользователей и не терпят конкуренции [4].

Основной конфликт современности разворачивается между американскими и китайскими техноэлитами, однако Я. Варуфакис подчеркивает, что обе модели технофеодализма уничтожают «либеральную личность» [3, с. 211]. Вместе с тем Я. Варуфакис преимущественно критикует «правую» версию технофеодализма, которая сегодня реализуется в США. Основную угрозу, по мнению автора, представляют не Китай или относительно либеральный ЕС, но альтернативные правые, находящиеся под влиянием идеологов цифровой монархии и «темного просвещения» – Н. Ланда, К. Ярвина и др. В частности, об этом упоминается в недавней статье РИА Новости: «Вице-президент США Джей Ди Вэнс признавался, что Ярвин оказал на него значительное влияние <...> Так, с пиететом о нем отзывается глава "мафии PayPal" – венчурный капиталист Питер Тиль, которого иногда называют серым кардиналом новой администрации Трампа <...> Критикуют новый порядок и справа. Так, бывший советник Трампа Стив Бэннон использует выражение "технофеодализм". Он считает, что технократия угрожает свободе, а людей превращает в цифровых рабов» [12].

Отметим, что наделение цифровой современности феодальными характеристиками вряд ли можно назвать оригинальным авторским приемом Я. Варуфакиса – такие примеры мы неоднократно наблюдали и ранее. Однако это позволяет говорить о наметившихся тенденциях исследовательских подходов, пытающихся уловить и объяснить современность. В частности, о процессах рефеодализации еще в XX в. упоминал социальный теоретик Ю. Хабермас, описывая упадок публичной сферы [11]. О «грядущем средневековье» рассуждает философ Дж. Агамбен, вспоминая одноименную книгу

Р. Вакки, предсказывающего неутешительное положение развитых стран, столкнувшихся с энергетическим и инфраструктурным кризисом [1]. О «новом средневековье» заявляет и У. Эко в эссе «Средние века уже начались», предполагая, что «самый мрачный из тех вариантов развития событий, что предлагает Вакка», вероятно, оказывается наиболее убедительным футуристическим прогнозом [17].

Рассуждая о фрагменте из работы С. Беттини «Искусство на закате античного мира», Дж. Агамбен замечает, что «концентрация политических функций в руках государственной бюрократии, ее изоляция от народной базы и растущая индифферентность масс», характерные для периода поздней античности, «вполне соответствуют нашей исторической ситуации», в которой оказываются современные западные страны. Так, «крупными латифундиями» сегодня выступают экономические и социальные группы, действующие все более автономно и автаркически, в то время как «социальные ячейки», формирующиеся внутри государств, включают целые профессиональные категории в государственные функции [1].

В определенном смысле феодальные характеристики можно обнаружить и у современных трудовых практик, направленных не только на создание материального товара или оказание услуги, но и на формирование и поддержание образов жизни. С одной стороны, работник наделяется автономией, поскольку трудовой процесс «перетекает» в сеть, однако, с другой, он начинает удерживаться «миром предпринимательства», сливаясь с миром фирмы, которой «служит» [10, с. 169]. Информационные технологии смешивают работу с досугом работника, тем самым освобождая его для еще большего количества работы. Уместно вспомнить и современную трудовую этику «24/7» («всегда на связи»), позволяющую «выцепить» работника из личной жизни и включить в трудовой процесс в любое время ввиду трансформировавшейся темпоральности труда. В этой связи А. Горц заявляет о «превращении наемного труда в феодальную службу, которая причитается сюзерену от вассалов» [5, с. 26].

Иные тенденции «менеджеризации феодализма» в области труда замечает антрополог Д. Грэбер, отмечающий возрастающую бюрократизацию цифрового пространства. Вместе с тем целью подобной бюрократизации служит обеспечение сотрудника хоть какой-то работой. Если частные компании все чаще начинают делегировать рабочие задачи сторонним исполнителям (например, прибегая к аутсорсингу

и услугам фрилансеров¹), то государственные предприятия создают должности, не влияющие или даже оказывающие вред организации: «огромные массы людей, особенно в Европе и Северной Америке, тратят всю свою рабочую жизнь, выполняя задачи, которые, как они втайне думают, вообще не нужно выполнять» [6, с. 18].

Такую занятость Д. Грэбер называет «бредовой работой», а ее главной характеристикой выступает бессмысленность или пагубность, когда работник не понимает зачем вообще она нужна: «это настолько бессмысленная, ненужная или вредная оплачиваемая форма занятости, что даже сам работник не может оправдать ее существование, хотя в силу условий найма он чувствует необходимость притворяться, что это не так» [6, с. 43]. Показательным примером служит случай в Испании, где госслужащий «шесть лет не появлялся на работе и вместо этого изучал Спинозу» [6, с. 35].

Примечательно, что эссе Д. Грэбера моментально разлетелось по сети и за короткие сроки было переведено на множество языков, в результате чего несколько компаний провели опросы общественного мнения, показавшие пугающую долю «бредовой работы». Так, опрос британских работников, проведенный компанией YouGov показал, что 37% респондентов на вопрос «приносит ли ваша работа какую-нибудь пользу миру?» дали отрицательный ответ, в то время как 13% воздержались от ответа. Позже и опрос в Нидерландах показал схожие результаты – 40% респондентов согласились с отсутствием смысла выполняемой работы [6, с. 27].

Таким образом, современная эпоха характеризуется тенденциями отмирания наемного труда с одной стороны, но также кажущегося на первый взгляд отмирания традиционных капиталистических отношений – с другой. О технофеодальных и иных реакционных тенденциях цифровой современности рассуждали и отечественные исследователи, публицисты и общественные деятели (правда, некоторые из них неоднократно подвергались критике за антинаучные положения). Так, о приближении «биоэкотехнофашизма» заявляет директор Института системно-стратегического анализа,

---

¹ Примечательно, что сам термин «фрилансер» («свободный копейщик») имеет определенный феодальный «шлейф» и получает первую популярность благодаря роману В. Скотта «Айвенго», в котором события разворачиваются в Англии XII в. Современных «свободных работников» нередко сравнивают с батраками – сезонными сельскохозяйственными работниками, а также кочевниками, что обусловлено спецификой их деятельности и параметрами (само)организации труда.

историк А.И. Фурсов, о нефеодалных отношениях мировой элиты и «сословной структуре постсоветской России» пишут экономист М.Л. Хазин и писатель-фантаст С.И. Щеглов, социолог С.Г. Кордонский, политолог С.Е. Кургинян и пр. [15; 16; 9].

Список можно продолжать и далее, однако есть ли феодализм в начале XXI в. на самом деле? Представляется, что хоронить капитализм преждевременно, а идеи о наступлении новой (или обновленной старой) эпохи с новыми техноэлитами неоднократно встречаются, по меньшей мере, с 1960-х гг. в работах теоретиков постиндустриализма. В частности, «третья волна», описанная Э. Тоффлером, представляет собой технотронное общество, постепенно возвращающееся к «доиндустриальной цивилизации», однако на базе новейших технологий [14, с. 45]. О «посткапиталистическом обществе» в 1990-е гг. пишет П. Друкер, подчеркивая, что знания вытесняют собой землю, труд и капитал, коренным образом меняя структуру общества и создавая новую социальную и экономическую динамику [20, с. 40].

Словом, обозначенные изменения современного общества получили подробное описание, но все еще нуждаются в глубокой социально-философской интерпретации, поскольку сопровождаются зачастую парадоксальными и ложными выводами. Для цифровых платформ характерен «сетевой эффект», обуславливающий их стремление к монополизации: увеличивая спектр предоставляемых услуг, они увеличивают свою аудиторию; ценность платформы возрастает в той мере, в какой увеличивается число ее пользователей [13, с. 44]. Едва ли это говорит о становлении технофеодализма – представляется, что речь скорее идет об обновленном империализме, открывающем для себя новые рынки за счет экспансии цифрового пространства. Кроме того, само существование позднего капитализма возможно за счет включения элементов пострыночных отношений и подчинения их собственной логике.

Не следует забывать и о том, что мир-система капитализма подразумевает константные отношения «центр-периферия», где высокоразвитая метрополия существует благодаря эксплуатации (полу)периферийных экономик. По этой причине элементы феодальных отношений всегда были характерны для разных уголков мир-системы (хотя и преимущественно для отстающих стран). В этой связи социальный теоретик Дж. Арриги еще задолго до выхода работы Я. Варуфакиса отмечал борьбу между Китаем и США за статус «царя горы» мир-системы в качестве основного сюжета первой четверти XXI в. [2, с. 18].

Таким образом, «технофеодализм» вряд ли можно назвать наиболее удачным термином для описания актуальных социально-экономических процессов. Концепция Я. Варуфакиса едва ли сообщает нам что-то принципиально новое, в чем частично признается и сам автор. Согласимся с научным редактором русского издания «Технофеодализма» А.В. Павловым, который подчеркивает, что технофеодализм – это в большей мере «эффектная метафора, чем полноценное описание реальности», поскольку для анализа процессов современного капитализма подобный взгляд не всегда адекватен [8].

Очевидно, что говорить о полноценной реставрации феодализма некорректно, пусть даже в цифровой обертке, а поздний капитализм не исчезнет, если на словах заявить о его исчезновении. И хотя идеи о неофеодализме в его множественных проявлениях высказывались отечественными авторами и ранее, показательным, что именно работа западного исследователя получила широкий отклик аудитории, что определенным образом ее характеризует. Однако при знакомстве с вновь появляющимися новыми научными терминами важно сохранять критический взгляд.

Библиографический список:

1. Агамбен Дж. Грядущее сообщество. М.: Три квадрата, 2008. 144 с.
2. Арриги Дж. Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век? / пер. с англ. Т. Б. Менская. М.: Институт общественного проектирования, 2009. 456 с.
3. Варуфакис Я. Технофеодализм. Что убило капитализм / пер. А. Снегирев, науч. ред. А. Павлов. М.: Ад Маргинем, 2025. 304 с.
4. Городилов М. От капитализма к технофеодализму: как власть технологических корпораций меняет мир. И чем опасна новая экономическая система [Электронный ресурс] // Т-Ж. Режим доступа: <https://t-j.ru/technofeudalism/> (дата обращения: 01.05.2025).
5. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал / пер. с нем. и фр. М. М. Сокольской; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2010. 208 с.
6. Грэбер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. 440 с.

7. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022. 784 с.
8. Как цифровые экосистемы влияют на реальность [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Режим доступа: <https://spb.hse.ru/news/1041488366.html> (дата обращения: 30.04.2025).
9. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. М.: Общественное мнение, 2008. 213 с.
10. Лаццарато М. Предприятие и неомонадология // Логос. 2007. № 4(61). С. 168-197.
11. Музыкантский А.И. Рефеодализация публичной сферы: очередная попытка / А.И. Музыкантский, Е.А. Кувыркова // Вестник государственного университета Дубна. Серия: Науки о человеке и обществе. 2021. № 2. С. 45-52.
12. «Новая разновидность фашизма». Кто на самом деле управляет Трампом [Электронный ресурс] // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20250312/trump-2004322835.html> (дата обращения: 01.05.2025).
13. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 128 с.
14. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К. Ю. Бурмистрова [и др.]. М.: АСТ, 1999. 784 с.
15. Фурсов А. На смену капитализму идет биоэкотехнофашизм [Электронный ресурс] // Союзное Вече. Режим доступа: <https://www.souzveche.ru/articles/community/84168/> (дата обращения: 01.05.2025).
16. Хазин М. Лестница в небо. Диалоги о власти, карьере и мировой элите / М. Хазин, С. Щеглов. М.: РИПОЛ классик, 2019. 626 с.
17. Эко У. Средние века уже начались [Электронный ресурс] // Anthropology. Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/eko-u/srednie-veka-uzhe-nachalis> (дата обращения: 01.05.2025).
18. Berardi F. Precarious Rhapsody. L.: Minor Compositions, 2009. 157 p.
19. Dean J. Communicative Capitalism and Left Politics. Durham, London: Duke University Press, 2009. 232 p.

20. Drucker P. Post-capitalist society. New York: HarperBusiness, 1993. 232 p.

21. Jameson F. The Seeds of Time. New York: Columbia University Press, 1996. 214 p.

Kravchenko A.L. **On the issue of «Technofeudalism»**

The article is devoted to the problematization of the term «technofeudalism» in modern social theory, due to the publication of the work of the same name by the economist and politician Yanis Varoufakis. The essence and significance of the term is revealed, and its controversial nature is shown. The author demonstrates Varoufakis' previous attempts to attribute feudal characteristics to the digital age, and also notes that within the framework of the unified world system of capitalism, elements of feudal relations have always been present at different stages of its development. In conclusion, it is concluded that we can talk about the restoration of feudalism at the beginning of the 21st century incorrectly – modern society continues to develop in accordance with the logic of late capitalism.

Keywords: social theory, technofeudalism, digital platforms, labor, post-capitalism, post-industrial society, late capitalism, world-system of capitalism.